

С. В. МАКСИМОВ

*НЕЧИСТАЯ, НЕВЕДОМАЯ
И КРЕСТНАЯ СИЛА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 39(=161.1)
ББК 63.5(2)
М17

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *Е. Фереца*

Максимов, Сергей Васильевич.
М17 Нечистая, неведомая и крестная сила / Сергей Васильевич Максимов. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 544 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-146823-1

«Нечистая, неведомая и крестная сила» впервые была опубликована уже после смерти Сергея Васильевича, в 1903 году. Материал для книги автор собирал долгие годы во время своих пеших странствий по стране в поисках интересного этнографического материала.

Книга погрузит читателя в загадочный мир верований, обрядов и праздников российского крестьянства; в мир, населенный прекрасными и жестокими русалками, капризными духами и жестокими оборотнями; в мир, не тронутый ни образованием, ни прогрессом, в котором христианство самым причудливым образом переплетается с остатками язычества.

УДК 39(=161.1)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-17-146823-1

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Предприняв исследование быта великорусских крестьян-землепашцев, я обратился к покойному С. В. Максиму как к знатоку народных верований, прося его помочь мне разобраться в материалах, собранных по моей программе от местных сотрудников. Труд, который оставил мне С. В. Максимов, не облегчил моей задачи, заключающейся в том, чтобы, опираясь на сообщенные факты народной жизни, прийти к общим выводам и установить связь между верованиями крестьянина и его деятельностью, под которой я разумею поступки и поведение человека вообще.

Но сама по себе работа С. В. Максимова имеет большие достоинства, и это одно налагает на меня обязанность выпустить ее в свет, не говоря уже о том, что имя автора, оставившего такие труды, как «Сибирь и Каторга», «Год на Севере», «Крылатые Слова» и пр., настолько высоко стоит в нашей народнической литературе, что лишить русских читателей последнего сочинения С. В. Максимова было бы преступлением.

В настоящем своем труде С. В. Максимов пользовался не только фактами, сообщенными моими сотрудниками, но и собственным огромным запа-

сом наблюдений, собранным им еще в молодые годы, когда по образу пешего хождения, одетый странником, он отправлялся в народ. В живых образах рисует автор и мужика, и бабу, как тенетами опутанных верой в нечистую силу; с метким юмором характеризует простоватого русского черта и его незатейливые проказы и в то же время с удивительной глубиной оттеняет ту борьбу между миром язычества и христианства, которая и доднесь не закончилась еще на святой Руси.

Язык С. В. Максимова своеобразно-народный, и, не преувеличивая, можно сказать, что умеющих применять его так, как это делал автор «Сибири и Каторги», больше не будет.

За рукописью, оставленной покойным автором, пришлось поработать, чтобы приготовить ее к печати, а последняя часть трилогии — «Крестная Сила» — была даже не вполне закончена, так что ее пришлось дополнить при помощи собранных мной материалов. Весь этот труд завершен А. А. Яблоновским.

Кн. В. Н. Тенишев

НЕЧИСТАЯ СИЛА

І. Черти-дьяволы (Бесы)

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий. Эти бесплотные существа, олицетворяющие собой самое зло, — исконные враги человеческого рода; они не только наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникают в жилища, делая многие из них необитаемыми*, но даже вселяются в людей, преследуя их беспрестанными искушениями.

Насколько многочисленны эти незримые людские ненавистники, можно судить по богатству самых разнообразных прозвищ этой нежити, лукавой и нечистой силы. Более чем к сорока именам черта, насчитанным В.И. Далем (в его Толковом словаре великорусского языка), еще следует при-

* Напр., трудно представить себе любой большой русский город, в котором не указывали бы на дома, населенные чертями и покинутые по причине разных проказ нечистой силы, производящей шум и возню, швыряющей камнями, щепой, песком, и т.п.

соединить тот десяток духов, которым присвоены особенные имена и предназначены определенные места для пребывания, и сверх того перечислить те прозвища, которые вращаются в живом народном языке, но еще не подслушаны и не уловлены*. Повсеместное пребывание чертей и их свободное проникновение повсюду доказывается, между прочим, существованием общих верований и обычаев, усвоенных на всем пространстве великой православной Руси. Так, например, в деревенских избах почти невозможно найти таких сосудов для питьевой воды, которые не были бы покрыты если не дощатой крышкой или тряпицей, то, в крайнем случае, хоть двумя лучинками, положенными «крест-накрест, чтобы черт не влез». Равным образом среди русского простонародья нелегко натолкнуться на такого рассеянного или забывчивого человека, который, зевнув, не перекрестил бы своего рта, чтобы святым

* Вот для любознательных эти названия: агорянин или огарянин (Орл. губ. и уезда), бес, нежить, нечисть, злой дух, демон, сатана, дьявол, черт, вельзевул, царь тьмы, князь тьмы, царь ада, царь преисподней, змий, крошечный, враг, «тот», «он», враг, вражья сила, недруг, неистовый, лукавый, нечистый, лужанька, не-наш, недобрый, недобрик, нелегкий, нелегкая, нечистая сила, нечестивый, неладный, соблазнитель, блазнитель, морока, мара, лихой, игрец, шут, шайтан, черная сила, черный, неключимая сила, некошный (т.е. не чистый или поганый), ненавистник рода человеческого, леший, лесовик, дворовый, банник, гуменник, кикимора, русалка, полевой, полевик, водяной, хозяин, хохлик, шиш, шишимора, шишига, шиликун, отяпа, летучий, огненный змей, несветик, рогатый, пралик, немытый, немытик, левый, идол, окаянка, окаяшка, шехматик, супротивник, нехороший, анчутка беспятый, родимец, супостат, шутошка, дерт (в Шуйск. уезде Владимирск. губ. «д» вместо «ч»), т.е. черт.

знамением заградить туда вход нечистому духу. То же самое, с произнесением слов «свят, свят, свят», исполняется и во время грозы при каждом раскате грома, так как черт боится молнии и прячется за спину людей, чтобы Господь не поразил его. Эти обычаи и приемы, может быть, столь же древние, как само христианство на Руси, поддерживались потом более позднейшими, но столь же почтенной старины, народными легендами*.

Обратимся к описанию многообразных коварств и разнообразнейших походов этих духов дьявольской породы, не ограниченных в своей деятельности указаниями явно определенного места (как дома, леса, воды и пр.) и точно обозначенного времени.

1. Дома

Хотя чертям для их походов и отведена, по народному представлению, вся поднебесная, тем не менее и у них имеются излюбленные места для

* Одна из таковых, чисто великорусского происхождения и повсеместно распространенная, повествует, что некий святой подвижник (по преданиям Поволжья — Андрей Блаженный) встретил беса, всего выпачканного.

— Иди обмойся водой речной, — посоветовал святой, — что ты таким пакостным ходишь?

— К реке меня не пускает ангел, а велит идти в ту первую избу, где стоит непокрытая кадка с водой и где она не ограждена крестным знамением. Туда я и иду. Мы все там всегда и обмываемся.

Порченые и кликушки во время припадков беснования громогласно, при всем народном множестве, определяют, даже подлинным счетом, число бесов, которые залетели к ним через рот и гложут их животы (чаще всего сорок).

постоянного или особенно частого пребывания. Охотнее всего они населяют те трущобы, где дремучие леса разряжаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала человеческая нога и лишь осторожно шагают длинноногие болотные птицы. Здесь на тряси-нах или заглохших и заросших озерах, где еще сохраняются пласты земли, сцепленные корнями водорослей, человеческая нога быстро тонет, а неосторожного охотника и дерзкого путника засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом как гробовой доской. Тут ли не водиться злой дьявольской силе и как не считать чертям такие мочаги, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?

— Отчего ты, черт, сидишь всегда в болоте? — спрашивает, обездоленный болотистой и мокрой родиной, белорус своего рогатого и хвостатого черта.

— Привык! — коротко и ясно отвечает тот, и отвечает как за себя лично, так и за других, столь же неохотно переменяющих старое и насиженное место жительства на неизвестное, хотя бы и лучшее, новое.

— В тихом болоте черти водятся, — неизменно верят великороссы.

— Было бы болото (подкрепляют они, с другой стороны), а черти будут.

— Не ходи при болоте: черт уши обколотит, — доброжелательно советует третья из множества и столь же распространенная пословица*.

— И вылез бы черт из болота, и пошел бы в деревню к мужику на свадьбу, да попа боится, — выдают за истинно проверенное наблюдение.

Болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красненьких)**, мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке головы и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения. Образчики и доказательства тому в достаточном количестве разбросаны в народных сказках и, между прочим, в известной всем пушкинской сказке о работнике Балде. Один солдат, строгих николаевских времен, проносил чертенка в тавлинке целый год со днем. Некоторые уверяют, что черти — востроголовые, как птицы сычи, а многие, сверх того, уверены, что эти духи непременно хромые. Они сломали себе ноги еще до сотворения человека, во время

* Из подобных пословиц в народе вращаются, например, еще следующие: «навели на беса, как бес на болото»; «ходит черт по мхам, по борам, по болотам»; «всякий черт свое болото хвалит»; «вольню черту на своем болоте орать»; «иной ворочает в доме, как черт в болоте, и правит домом, как тот же черт болотом»; «гнилого болота и черт боится» и т. д.

** У наших чертей красным бывает только колпак на голове.

сокрушительного падения всего сонма бесов с неба*. Так как на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. Этот круг возымел особое действие и силу: всякий попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения.

Когда народная фантазия наделила чертей многими человеческими свойствами, последовательность воображения потребовала изобретения дальнейших сходств и уподоблений. Бесспорно решено, что эти духи подвержены многим людским привычкам и даже слабостям: любят ходить в гости друг к другу, не прочь попить с развалом. На своих любимых местах (перекрестках и росстанях дорог) черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске поднимают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями. При этом люди, бросавшие в такие пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, но на том месте находили всегда следы крови и после того какая-нибудь слывающая ведьмой колдунья долго ходила либо с обвязанным лицом, либо с подвязанной рукой. На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые

* Как сообщают из Смоленской губ., черти летели с неба сорок дней и сорок ночей, и кто где упал, тот там и остался хозяином.

черти охотно пьют вино и напиваются; а сверх того любят курить табак, получаемый в дар от догадливых и трусливых людей*. Самое же любимое занятие, превратившееся у чертей в неутолимую страсть, это — игра в карты и кости. В игре для чертей нет удержу и не установлено законов: проигрывают все, что есть за душой (а душа им полагается настоящая, почти такая же, как у людей). Впрочем, если пойдет дело на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна в изобретении и самого вина и табачного зелья, да и нечистая игра в карты с передержкой и подтасовкой отнесена прямо к бесовским же вымыслам и науке. Конечно, все эти наветы требуют тщательной проверки ввиду того, что уже слишком во многом обвиняют чертей, например, даже в изобретении таких злаков, как чай и картофель, — не далее начала прошлого столетия вошедших во всеобщее употребление. В последнем случае оказывается явный поклеп; первое же обвинение — в изобретении вина и табачного зелья — затемняется противоречивыми показаниями. Очевидно, свидетели, недостаточно уверенные в самом факте, стремятся лишь настойчиво навязать то, в чем сами не вполне убеждены и еще колеблются. Так, например, вологжане думают, что предков их выучил варить веселое пойло какой-то странник в благодарность за то, что один добрый мужик приютил его: поса-

* Олончане даже к рыболовным сетям привязывают листовой табак.

дил за стол, порезал несколько ломтей хлеба, поставил солонку с солью, жбан с квасом. Вдвоем они открыли несколько кабаков, и потянулся туда народ бесчисленными толпами. Во Владимирской губ. черт (также в виде странника, в лаптях, в кафтане и с котомкой за плечами) поведал тайну варить пиво встречному бедняге, который выплакал ему свое житейское горе и разжалобил его. Счастливый мужичок впоследствии похвастался своим умением царю, а неизвестный царь велел варить во всем государстве это самое пиво, которое теперь прозывают вином. У смоляков черт со своим винокурением мастерством нанялся в работники и научил доброго хозяина гнать водку, как раз накануне свадьбы дочери, и т. д.

В рассказах о происхождении табака еще больше разногласий: то он вырос из могилы кровосмесителей (сестры и брата), то из головы евангельской блудницы (Вятск. губ.), то из тела свихнувшейся чернички, убитой громом (Пенз. губ.), то, наконец, из могилы какого-то неведомого человека (Симб. губ.). У вологжан есть поверие, что разводить табак выучил встреченного в лесу помещика неизвестный черный охотник, и т. д.

В подобных догадках и розысках дошли досужие люди до забавного и веселого. Раз у черта (рассказывают мещовские калужане) померла теща, и захотел он ее помянуть получше. Собрал он всех грешников по этой части, т.е. курильщиков и нюхальщиков. Вот куритель курит-курит да сплюнет. Черт увидел это и велел всех курильщиков про-

гнать: они теще его все глаза заплевали. А нюхальщиков всех оставил: они понюхают, и их прошибет слеза — значит, и хорошо для поминок-то чертовой тещи. У тех же калужан, придерживающихся старой веры (в Мещовском уезде), сложилась насмешливая поговорка: «наша троица в табаке роется» (намек на то, что нюхальщики роются в табакерках тремя пальцами, и как раз теми, которые слагаются для крестного знамения).

2. В людях

Все прямые отношения нечистой силы к человеческому роду сводятся к тому, что черти либо проказят, прибегая к различным шуткам, которые у них, сообразно их природе, бывают всегда злы, либо наносят прямое зло в различных его формах и, между прочим, в виде болезней. Словом — черти устраивают против людей всякие козни и исполняют главное свое назначение, состоящее в многообразных искушениях. Для облегчения своей деятельности, во всех ее направлениях, дьявольская сила одарена способностью превращений, т.е. черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкурку, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза.

Превращения. Переверты всякого рода и разнообразные перекидыши производятся чертями с такой быстротою и внезапной стремительностью, какой

не в силах представить себе людское воображение: последовательно проследить быстроту этих превращений не может самый зоркий глаз.

Всего чаще черти принимают образ черной кошки, почему, во время грозы, догадливые деревенские хозяева всегда выбрасывают животных этой масти за дверь и на улицу, считая, что в них присутствует нечистый дух (отсюда выражение, что при ссоре пробегает между людьми черная кошка). Не менее того черти облюбовали образ черной собаки, живых людей (при случае, даже малого ребенка) и великанов огромного роста, вровень с высочайшими соснами и дубами. Если задумает черт выйти из своего болота в человеческом образе и явиться, например, бабе в виде вернувшегося из отлучки мужа, то он представляется всегда скупающим и ласковым. Если же встречается он на дороге, обернувшись кумом или сватом, то является непременно пьяным и готовым снова выпить, да сделает так, чтобы сват очутился потом либо на краю глубокого оврага, либо в колодце, в помойной яме, либо у дальнего соседа и даже на сучке высокого дерева с еловой шишкой в руке вместо рюмки вина.

Остальные превращения идут в последовательном порядке. Черти оборачиваются в свинью, лошадь, змею, волка, зайца, белку, мышь, лягушку, рыбу (предпочтительно щуку), в сороку (из птичьего рода это любимый образ) и разных других птиц и животных. Из последних, между прочим, в неизвестных, неопределенного и страш-

ного вида*. Перевертываются даже в клубки ниток, в вороха сена, в камни и пр. Вообще черти принимают самые разнообразные формы, какие только способно допустить пылкое людское воображение, однако же не без некоторого ограничительного законного предела. Такой предел существует и упорно оберегается: не всегда, напр., решаются черти представляться коровой, самым дорогим и полезным домашним животным, да подобному перевертышу и самая глупая баба не поверит. Не дерзают злые духи прикидываться петухами — вестниками приближения светлого дня, который столь ненавистен всякой злой силе, и голубями — самой чистой и невинной птицей в целом мире, памятуя, Кто удостоивал принимать на себя образ этих милых и ласковых воркунов из царства пернатых. Точно так же никто не видал злой нежити в ослиной шкуре, так как всей их нечистой породе, со времен явления Христа на землю, стало известным, что сам Господь благоволил избрать осла для своего победоносного шествия во святой град, к прославлению своего божественного имени и учения.

Какой бы образ ни принял на себя дьявол, его всегда выдает сиплый, очень громкий, голос с примесью устрашающих и зловещих звуков («дух со страху захватывает»). Иногда он каркает черным вороном или стрекочет проклятой сорокой. По черному цвету шерсти животных и птичьих пе-

* В лесу с лесом «равен», — говорят в Сарапульском уезде Вятской губ., — в поле с травой, а в людях с человеком (равен, т.е. схож).